

Глава II

Явившись к Каупервуду в момент его поражения, Беренис помогла ему обрести веру в неожиданное и, более того, — веру в свою счастливую звезду. Конечно, Каупервуд угадывал в ней существо эгоистическое, уравновешенное, скептическое, но менее прямолинейное и много более возвышенное, чем он. Если он жаждал денег ради главного, что они могут дать, — то есть ради власти, дабы пользоваться ею, как ему вздумается, — Беренис жаждала получить с их помощью возможность проявить свою одаренную натуру и удовлетворить тем самым свою эстетическую потребность в красоте. Ей хотелось достичь этого не столько путем самовыражения в той или иной форме искусства, сколько создать такую жизнь, чтобы и она сама, и вся жизнь ее стали как бы воплощением искусства. Она часто думала, что, будь у нее много, очень много денег и большие возможности, — чего бы она только не сделала, дав волю своей изобретательности. Никогда бы не стала она швырять деньги на большие дома или земли, на всякую показную роскошь, нет, она постаралась бы создать для себя изысканную, вдохновляющую атмосферу!

Она никому не поверяла этих своих мыслей. Это было частью ее самой, чем-то свойственным ее натуре, в которой Каупервуд не так уж тонко разбирался. Она представлялась ему хрупкой, впечатлительной, загадочной, и поэтому ему никогда не надоедало смотреть на нее — это было все равно что любоваться природой: новый день, занимающийся над землей, внезапный ветер, незнакомый ландшафт. А что-то будет завтра?.. Будет она такой же, эта Беренис, какой он видел ее прошлый раз, или нет? Никогда он не мог ответить на этот вопрос. И сама Беренис, сознавая в себе эту непонятную изменчивость, не могла бы объяснить ее ни ему, ни кому-либо другому: такая уж она есть. И пусть Каупервуд и все остальные принимают ее такой, какая она есть.

Вдобавок ко всему этому в ней чувствовался аристократизм. Невозмутимая, сдержанная, она неизменно привлекала к себе внимание и внушала невольное уважение всем, с кем ей приходилось сталкиваться. Это выходило у нее само собой. И Каупервуд, сразу почувствовавший в ней это врожденное превосходство, был восхищен и изумлен, ибо это было как раз то редкое качество, которое он в глубине души больше всего ценил в женщине. Такая юная, обаятельная, умная и так держит себя — настоящая леди! Он угадал это даже тогда — по фотографии двенадцатилетней девочки в Луисвилле, восемь лет назад.

Но теперь, когда Беренис наконец пришла к нему, его смущала одна мысль. В том восторженном состоянии, в котором он сейчас пребывал, ему неудержимо хотелось сказать ей, что он отныне принадлежит ей одной — неизменно и безраздельно. Но будет ли это так? После первого брака, особенно после того, как у них появились дети и установилась обыденная рутина семейной жизни, он со всею ясностью понял, что эта обычная норма спокойного супружеского существования совсем не для него. Доказательством был его роман с юной красавицей Эйлин, чья самоотверженная любовь и привязанность к нему заставили его впоследствии соединиться с ней брачными узами. Чувство порядочности в данном случае играло не меньшую роль, чем его влечение к Эйлин. Но с тех пор он считал себя свободным от всяких обязательств, решив, что он вправе распоряжаться собой и своими чувствами, как ему вздумается.

Он никогда не отличался склонностью к постоянству и не стремился к нему и, однако, на протяжении целых восьми лет старался завоевать любовь Беренис. Теперь, раздумывая над этим, он спрашивал себя: как может он честно и откровенно рассказать ей о себе? Она такая умная и чуткая. Умалчивание и ложь, которыми можно успокоить, если не вполне обмануть, всякую обыкновенную женщину, только уронят его в ее глазах.

И хуже всего было то, что как раз в это время в Дрездене у него была любовница, некая Арлет Уэйн. Он сошелся с ней год назад. Арлет жила тогда в маленьком городке в штате Айова; жажда вырваться из убогой среды, где ее талант неминуемо зачах бы, толкнула Арлет написать Каупервуду письмо, к которому она приложила изображение своей

прелестной особы. Не получив ответа, она наскребла где могла немножко денег и явилась собственной персоной в Чикаго, в контору Каупервуда. И если фотографии оказалось недостаточно для достижения цели, то сама живая Арлет преуспела вполне: она была не только смела и уверена в себе, но еще и обладала темпераментом, прельстившим Каупервуда; кроме того, ею руководил не только грубый расчет: она серьезно увлекалась музыкой, и у нее был хороший голос. Убедившись в этом, он решил помочь ей. Арлет привезла с собой достаточно наглядные доказательства тех жалких условий, в которых ей приходилось существовать: фотографию крохотного домика, где она жила с матерью-вдовой, занимавшейся мелкой торговлей, и трогательный рассказ о том, как мать выбивалась из сил, чтобы заработать на жизнь и вывести ее в люди.

Разумеется, те несколько сот долларов, которые были нужны ей для того, чтобы пробиться, ровно ничего не значили для Каупервуда. Честолюбие в людях всегда находило в нем сочувствие: Арлет растрогала его, и он решил устроить ее будущее. Для начала он предоставил ей возможность брать уроки у лучших профессоров Чикаго. Затем, если выяснится, что игра стоит свеч, он пошлет ее за границу. Однако, чтобы ни в коей мере не компрометировать и не связывать себя, он назначил ей определенное содержание, которым она распорядилась сама. Это содержание выплачивалось ей и по сие время. Он посоветовал ей привезти в Чикаго мать и поселиться с ней вместе. Арлет сняла маленький домик, выписала мать, они прочно обосновались здесь, и Каупервуд стал у них частым гостем.

Арлет была неглупа, искренне предана своему искусству, поэтому ее отношения с Каупервудом постепенно перешли в настоящую дружескую близость. Она не проявляла никаких поползновений как-нибудь скомпрометировать его. Не так давно, незадолго до появления Беренис, Каупервуд, предвидя, что ему, может быть, скоро придется распроститься с Чикаго, уговорил Арлет отправиться в Дрезден. И если бы не Беренис, возможно, он сейчас гостил бы у Арлет в Германии.

Но теперь, сравнивая ее с Беренис, он уже не чувствовал к ней никакого влечения. Беренис овладела всем его существом. Однако Арлет все-таки интересовала его как будущая актриса, ему хотелось, чтобы она добилась успеха, поэтому он решил помогать ей и впредь. Но он

чувствовал, что с ней уже все кончено, он должен вычеркнуть ее из своей личной жизни раз и навсегда. Для него это небольшая жертва. Ее день миновал. Теперь надо начинать жизнь сызнова. Если Беренис потребует от него полной верности под угрозой разрыва – он готов подчиниться ее желаниям, каких бы это ему ни стоило усилий. Она достойна того, чтобы ради нее пойти на любую жертву. В таком душевном состоянии он погружался в мечты и строил планы на будущее, как когда-то в далекие дни юности.

Глава III

На следующее утро чуть попозже десяти Беренис позвонила Каупервуду, и они условились встретиться в его клубе.

Поднимаясь по особой лестнице в его апартаменты, она увидела, что он ждет ее у входа. Дверь была открыта, и везде — в холле и в комнатах — были цветы. Но он до такой степени не был уверен в своей победе, что, когда она не спеша поднималась по ступенькам, с улыбкой глядя на него, он впился в ее лицо тревожным взглядом, боясь прочесть на нем, что она вдруг передумала. И только после того как она, переступив порог, позволила ему обнять себя и он крепко прижал ее к груди, у него отлегло от сердца.

— Пришла! — вскричал он радостно и заглянул ей в лицо, все еще не веря своему счастью.

— А вы думали, не приду? — спросила она, смеясь над выражением его лица.

— Но разве я мог быть уверен? — сказал он. — Ведь до сих пор вы никогда не были со мной такою, как мне хотелось.

— Это правда. Но вы же понимаете почему. Зато теперь все будет по-другому. — И она подставила ему губы для поцелуя.

— Если бы ты только знала, — сказал он, задыхаясь от волнения, — что это значит для меня, твой приход. Всю ночь я глаз не сомкнул. И у меня такое чувство, что мне больше никогда спать не захочется... Милые жемчужинки-зубки, а глаза, синие-синие, и рот как бутон розы! — шептал он, осыпая ее поцелуями. — А волосы — горят, как золото! — И он восхищенно потрогал их.

— Мальчик получил новую игрушку!

У него перехватило дыхание, когда он увидел ее чуть-чуть насмешливую, но ласковую улыбку; он крепко обнял ее и поднял на руки.

— Фрэнк! Пусти! Прическа! Да ты меня всю растреплешь!

Она, смеясь, отбивалась, пока он нес ее в спальню, озаренную дрожащим и пляшущим пламенем камина, но он не отступался, и она позволила ему раздеть себя, забавляясь его нетерпением.

Было уже далеко за полдень, когда он, как шутливо заметила Беренис, настолько образумился, что с ним можно было спокойно разговаривать. Они уселись за чайным столиком перед камином. Она говорила, что ей хотелось бы остаться в Чикаго, чтобы быть поближе к нему, но, конечно, им надо устроиться так, чтобы не привлекать внимания. Он был совершенно согласен с ней. В связи с этой газетной шумихой он сейчас у всех на виду — достаточно ему только показаться с такой хорошенькой женщиной, пресса мигом подхватит это и раздует невесть что: всем, разумеется, известно, что Эйлин живет отдельно от него в Нью-Йорке. Придется им не показываться вместе на публике.

— Ведь эта история с продлением концессии, — говорил он, — или, вернее, с провалом концессии, вовсе не значит, что работа моя кончена и что я потеряю власть над сетью городского транспорта. Я столько лет занимался этим делом, акции моих предприятий раскуплены, тысячи пайщиков заинтересованы в них. И отнять эти акции ни у меня, ни у пайщиков без суда никак невозможно.

И вот сейчас, Беви, — продолжал он, понизив голос, — самое время было бы подыскать какого-нибудь крупного финансиста или группу людей с капиталом, нечто вроде синдиката, который купил бы все это имущество по сходной цене, чтобы не обидно было ни им, ни нам. Но это, конечно, такое дело, которое сразу не делается. На него могут потребоваться годы. И я, в сущности, уверен, что, пока я сам не предприму каких-нибудь шагов и не постараюсь добиться этого как личного одолжения, вряд ли можно рассчитывать, что кто-нибудь явится сюда и делает мне сколько-нибудь дельное предложение. Все знают, что это трудная штука — возиться с городским транспортом и заставить его давать прибыль. А потом эта судебная волокита, ее все равно не минуешь, кто бы ни польстился на это предприятие, будь то мои враги или какая-нибудь акционерная компания, которая решится взять дело в свои руки.

Он сидел с ней рядом и разговаривал так, как если бы это был пайщик или солидный финансист, такой же делец, как и он сам. И хотя ее вовсе уж не так интересовали подробности его финансовых дел, она

чувствовала, что это действительно его сфера, что он живет в ней деятельной, напряженной и по-своему увлекательной жизнью.

— Я знаю только одно, — перебила она его, — это то, что, по-моему, тебя ничто сокрушить не может. Ты для этого слишком умен и слишком хитер.

— Допустим, — сказал он, явно польщенный. — Но так или иначе, на все это требуется время. Может быть, немало лет пройдет, прежде чем мне удастся сбить с рук все эти транспортные предприятия. А между тем такая затяжка может принести мне немалый ущерб. Предположим, я задумаю какое-нибудь новое дело, — я буду чувствовать себя связанным по рукам и по ногам, пока окончательно не распутаюсь со всей этой историей.

Он замолчал и, задумавшись, уставился в одну точку своими большими серыми глазами.

— Чего бы мне больше всего хотелось теперь, когда у меня есть ты, — медленно промолвил он, — это позабыть хотя бы на время обо всех делах и отправиться с тобой куда-нибудь путешествовать. Довольно я потрудился. Ты для меня дороже всяких денег, несравненно дороже! Знаешь, как странно! Я только сейчас вдруг почувствовал, что слишком много жизни ухлопал на все эти дела. — Он улыбнулся и обнял ее.

А Беренис, слушая его и с гордостью сознавая свою власть над ним, проникалась к нему чувством глубокой нежности.

— Вот это ты правду сказал, милый! — ответила она. — Ты точно какой-то громадный паровоз или машина: летишь на всех парах, а куда — и сам не знаешь. — И она взъерошила ему волосы и ласково скользнула ладонью по его щеке. — Я часто думала о твоей жизни и о том, чего тебе удалось достигнуть. Мне кажется, для тебя было бы очень хорошо уехать на несколько месяцев за границу, поглядеть на Европу. Я не представляю себе, что ты сейчас можешь здесь делать, — разве только еще увеличить свой капитал! И ведь Чикаго, по правде сказать, совсем неинтересный город. По-моему, он просто отвратителен!

— Ну, этого я бы не сказал, — возразил Каупервуд, заступаясь за Чикаго. — У него есть и свои привлекательные стороны. Ведь я сюда, в сущности, приехал затем, чтобы сколотить капитал. И я прямо скажу: мне жаловаться не приходится.

— Да это я знаю! — сказала Беренис, немножко удивленная тем, что он так пылко заступает за Чикаго, несмотря на все обиды и неприятности, которые ему пришлось здесь претерпеть. — Только вот что, Фрэнк... — Она помолчала, обдумывая, как бы получше выразить то, что ей хотелось сказать. — Я считаю, что ты настолько крупнее, больше всего этого. Я, знаешь, всегда так думала! Неужели тебе не кажется, что тебе сейчас надо отдохнуть, оглядеться, поехать куда-нибудь, так просто, без всякого дела? Тебе может дорогой прийти какая-нибудь счастливая мысль, может во время путешествия представиться случай — ну, скажем, возможность взяться за какой-нибудь крупный общественно полезный проект, который принесет тебе не столько прибыль, сколько положение и славу. А может, тебя заинтересует какое-нибудь предприятие в Англии или во Франции. Мне бы так хотелось пожить с тобой во Франции... Ну почему, правда, не поехать туда и не построить для них что-нибудь новенькое? А как насчет того, чтобы заняться городским транспортом в Лондоне? Или еще чем-нибудь в этом роде? Во всяком случае, что бы там ни было, давай уедем из Америки.

Он одобритительно улыбнулся.

— Знаешь, Беви, — сказал он, — хоть это и несколько противостоительно — обсуждать такие серьезные деловые вопросы, когда видишь перед собой эти синие глаза и копну золотых волос, однако должен сказать, что ты рассуждаешь мудро. Примерно в середине того месяца, а может быть, и раньше, мы с тобой уедем за границу — ты и я. И там уж я кое-что придумаю, что тебе будет по душе: год назад или около того мне делали предложение насчет подземной дороги в Лондоне. Я тогда так был занят своими здешними делами, мне просто не до того было. Но теперь... — Он похлопал ее по руке.

Беренис ответила ему довольной улыбкой.

Уже смеркалось, когда Беренис, спокойная, улыбающаяся, сдержанная, простилась с Каупервудом и села в экипаж, который он для нее вызвал.

Спустя несколько минут после ее ухода Каупервуд вышел на улицу, веселый, окрыленный радостью жизни, уже строивший планы на будущее: завтра с утра он поговорит со своим поверенным и поручит ему устроить встречу с мэром города и с еще несколькими влиятельными

лицами, чтобы обсудить, на каких условиях и каким способом он мог бы разделаться со всеми своими многочисленными предприятиями и обязательствами. А затем... затем будет Беренис. Мечта всей его жизни, которая наконец-то сбылась! Ну пусть он потерпел крах! Да никакого краха и не было! Жизнь — это любовь, а не только деньги и деньги!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

